

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ↔МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аиткулова Э.Р.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия (450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32), rector@bsunet.ru

В статье рассматривается понятие «манипуляция» и анализируется ее роль как элемента социальной деструкции в современном информационном обществе. Внимание к феномену манипуляции для лингвистики не привело к созданию целостной концепции манипулятивного воздействия, причиной которого является речедетальностный аспект коммуникации и трудности определения истинных целей высказывания и эффективности коммуникативных ходов в конкретной ситуации общения. Одной из самых популярных методик манипуляции, по мнению автора, является пропаганда. В зависимости от целей и конкретных задач формируются и распространяются сконструированные образы или имиджи, которые, как правило, неадекватно отражают реальные существенные их характеристики и, таким образом, дезориентируют людей, на которых направлено информационно-психологическое воздействие. В этом образе акцентируются достоинства и умалчивается информация о негативной составляющей. Следовательно, человек вынужден принимать ложное решение, не владея всем необходимым объемом знаний по данной проблеме. Практический аспект современной лингвистики должен сводиться к разработке предложений и способов нейтрализации явлений, вызывающих социальную деструкцию.

Ключевые слова: язык, манипуляция, массмедиа, лингвистика, функция воздействия, прагматический аспект

PRAGMATIC↔MANIPULATIVE LANGUAGE FUNCTION: TO PROBLEM STATEMENT

Aitkulova E.R.

Bashkir State University, Ufa, Russia (450076, Ufa, Zaki Validi, 32), rector@bsunet.ru

The article focuses on the concept “manipulation” and its role as a vehicle of social destruction in modern information society. The study of manipulation phenomenon in linguistics failed to create the integral concept of manipulative influence, which is explained by the speech-producing aspect of communication and the problem of determining the true purposes of the utterance and efficiency of the communicative actions in a concrete situation of communication. The author states that the advocacy is one of the most popular techniques of manipulation. Depending on the specific objectives the images are constructed which fail to mirror their true essential characteristics and, consequently, confuse people on whom information and psychological influence is directed. This image points out the advantages and withholds disadvantages of the situation, thus the person is compelled to make the false decision, without necessary volume of knowledge on this problem. The practical aspect of modern linguistics has to come to the development of structures and neutralization of the phenomena causing social destruction.

Keywords: language, manipulation, mass media, linguistics

В последние годы в связи с возросшим вниманием социума к способам воздействия на общественное сознание появилось большое количество научных работ, посвященных проблеме манипуляции сознанием, в которых анализируются манипулятивные технологии и методы, излагаются принципы психологической защиты от манипуляции, а также рассматривается мировоззренческое значение манипулятивного воздействия на человека.

Современная лингвистика в последние десятилетия оказалась в эпицентре интереса человечества. В обществе растет понимание того, что слово есть оружие массового поражения, т.е. инструмент для работы с сознанием людей. С одной стороны, изучается возможность повышения эффекта его воздействия, с другой – способы защиты от разящего

словесного нападения.

В философской науке язык рассматривается в связи с миром в целом через проблемы его происхождения и анализ его основных функций. Философы и упрощают язык и вместе с тем преувеличивают его влияние на человека. У Мартина Хайдеггера язык – это «дом бытия»; Людвиг Витгенштейн писал о власти языка над людьми, о способности языка вызывать конфликты, ранить человека и держать сознание в плену; Мартин Бубер по сути заменяет этику «философией диалога», видя в способности к диалогу мерило социализации личности; философствующие психиатры (например, Антон Кемпиньски) видят в коммуникабельности человека и проявление, и фактор психического здоровья. В постмодернистском сближении культуры, народного менталитета, науки с языком присутствует капитальная редукция великих феноменов бытия – сознания и культуры. В игривых преувеличениях роли языка есть один момент, греющий души постмодернистов: капитальная редукция великих феноменов бытия — сознания и культуры. Когда Витгенштейн в речевом взаимодействии людей видит «языковые игры», то за этим стоит не только преувеличение роли языка, но и преуменьшение значимости жизни.

Принято выделять в философской науке о языке 4 направления: лингвофизика – звукообразование, биолингвистика – строение и функционирование органов тела, участвующих в формировании звука, психолингвистика – язык как психическая деятельность и лингвокультурология – язык как культурный феномен и его связь с религией, наукой, искусством, политикой, а также с продуктами материальной культуры.

Таким образом, хотя потенциал языка и предполагает его изучение по четырем направлениям как физическое, биотическое, психическое и культурное явление, интерес ученых больше вызывает последний из аспектов. Не зря лингвистика входит в культурологию и имеет много общих тем для исследования в таких сферах, как науковедение, искусствоведение, этика, философия, психология, биология и физика.

Очевидно и то, что изучение языка только как знаковой системы уходит на периферию научных интересов. Лингвистика в большей степени интересует как ее сплав с психологией и социологией. Более того, многие ученые считают лингвистику частью другой междисциплинарной науки — когнитологии (когнитивистики), объявляя язык наряду с ощущениями, восприятием, памятью, эмоциями, мышлением одной из когнитивных способностей человека. Есть и те, кто изучает лингвистику в рамках такой междисциплинарной науки, как человековедение [1]. Кардинальными выглядят утверждения, что целостной теории языка в настоящее время не существует и лингвистика явно нуждается в переосмыслении своего предмета и в фильтрации понятийного аппарата [6:13]. На наш взгляд, такой целостной теории языка в настоящее время не существует.

Наиболее сложным оказалось определение отношения между языком как системой и языком как деятельностью. В этих условиях представляется полезным вернуться к определению объекта лингвистики и привлечь внимание к не до конца реализованным путям, которые имеются в современном научном дискурсе и которые могут оказаться полезными для построения общей теории.

К призывающим начать изучать язык с чистого листа можно отнести и тех, кто констатирует, что современное языкознание не воспринимается обществом как «ответственное» и «важное» занятие.

На фоне объективного роста значимости языка в жизни общества и отдельного человека обесценивается сама филология. Лингвистике всегда не хватало собственных идей, поэтому ее всегда отличала широта интересов на грани всеядности. В поле зрения лингвистов оказывались не только мифопоэтические и философские концепции языка, но и популярные идеи: в XIX в. – биологии; в XX в. – генетики, математики, кибернетики; в последнее время – модные философские идеи термодинамики (Ильи Пригожина), включая трактовку языка в качестве синэргетического феномена.

В данной работе мы рассмотрим философский аспект прагматической функции языка с целью проследить эволюцию вопроса через призму формирования техники и технологий работы с массовым сознанием. Для этого нам предстоит решить ряд частных задач:

- 1) определить понятие «манипуляция»;
- 2) проанализировать манипуляцию как элемент социальной деструкции;
- 3) рассмотреть манипуляцию сознанием в современном информационном обществе.

Внимание к феномену манипуляции, которое характерно для лингвистики последнего десятилетия, пока еще не привело к созданию целостной концепции манипулятивного воздействия, нет однозначного понимания этого феномена (более того – до сих пор отсутствует теоретико-методологическое единство и единообразие базовой терминологии, что затрудняет предметно ориентированное общение). Этому много причин, важнейшая из которых – сложность и неоднозначность самого объекта исследования, связанного с речедеятельностным аспектом коммуникации, с трудностью определения истинных целей высказывания и эффективности коммуникативных ходов в конкретной ситуации общения и др.

Прагматическая функция языка представляет интерес для исследователей одновременно как созидательная и разрушительная сила, которая действует по своим законам.

Исследовать прагматическую функцию языка начали сравнительно недавно. Считалось вплоть до XIX вв., что язык выполняет исключительно функцию коммуникации. Первым о

природе познавательной функции заговорил немецкий филолог И. Аделунг. Вслед за ним его соотечественник, которого принято считать одним из основоположников лингвистики, В. Гумбольдт, расширил эту идею и предложил систематизировать изучение языка через познавательную, коммуникативную и прагматическую функции, расположив последовательность по значению каждой функции. Стал бы Гумбольдт сегодня вносить изменения в иерархию функций – вопрос открытый, но на арене общественных отношений с точки зрения эффективности, конечно, господствует прагматический аспект лингвистики, предлагая обширный арсенал вооружения для порабощения общественного сознания, где любой акт речевого взаимодействия рассматривается как потенциальная возможность влиять на принятие решений в обществе путем скрытого психологического принуждения, т.е. манипулирования.

Это понятие имеет как прямое, так и переносное значение. Происходит оно от латинского *manipulus* (*manus* – «рука» и *ple* – «наполнять») – «пригоршня, горсть» и второе значение – «маленькая группа». В первом случае термин используется как технический – обращение с объектами с особыми намерениями и целью, во втором речь идет о маленькой группе людей (конкретнее — отряде воинов в Древнем Риме – манипуле), беспрекословно подчиняющейся и исполняющей все распоряжения начальников. Именно в этом значении закладываются основные признаки манипулирования, которое Большой Оксфордский словарь (*Oxford English Dictionary*) истолковывает как акт воздействия на человека, тайное управление людьми. Очевидно, что искусство управлять людьми зародилось вместе с общественным строем. Американский лингвист Леонард Блумфильд доказывал главенство прагматической функции языка по отношению к другим его функциям на примере разделения труда у древних людей. Он считает, что люди стали создавать язык, чтобы с его помощью один человек мог побуждать к работе другого.

В арсенале манипуляторов большое количество приемов и методик. Одной из самых популярных является формирование и распространение образов, так называемая пропаганда. В зависимости от целей и конкретных задач формируются и распространяются заранее «сконструированные» образы или имиджи конкретных лиц, фирм и организаций, идей, программ, товаров, которые, как правило, неадекватно отражают реальные существенные их характеристики и, таким образом, дезориентируют людей, на которых направлено информационно-психологическое воздействие. В этом образе акцентируются достоинства и умалчивается информация о негативной составляющей. Следовательно, человек вынужден принимать ложное решение, не владея всем необходимым объемом знаний по данной проблеме. В начале XX в. функция манипуляции общественным сознанием «властно

вытесняет все классические функции масс-медиа: информационную, контролирующую, развлекательную и пр.» [3].

Из средства манипуляции СМИ благодаря самовоспроизводству и внутренней манипулятивной интенции, сохраняя статус обслуживающего элиту звена, превращаются в инструмент и субъект манипуляции сознанием в современной культуре, в том числе ее традиционной и национальной составляющих. «Автор сегодня – это не проводник информации, а ее демиург, читатель же не получатель информации, а объект манипуляции» [5:50-51].

Масс-медиа, как утверждает американский культуролог А. Моль, фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким способом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации и не было включено в «технологии раскрутки», почти не имеет шансов оказать влияние на общество. «В настоящее время знания формируются не системой образования, а СМИ» [4:45].

Как и предрекали философы франкфуртской школы, технологическое перевооружение, массовый доступ к техническим средствам все больше усугубляют деструкцию в обществе. Так, с возникновением Интернета появилась система, способная к конструированию реальности для дальнейших манипуляций при тотальном охвате. С появлением виртуальной культуры манипуляция общественным сознанием интенсифицируется и эффектизируется новейшими средствами: непрерывное совершенствование компьютерных технологий в принципе предполагает фактическое наращивание объема манипуляций в культуре.

Изучению современных проявлений массовой культуры как социального феномена в условиях глобализации, в том числе в контексте влияния манипуляции на формирование духовных сторон жизни общества, посвящены работы М. Кастельса, А. Моля, А.С. Панарина и др. Анализ трудов этих авторов помогает глубже проникнуть не только в природу феномена культуры, но и в сущность развития информационного фактора в современном культуротворчестве как важного способа сохранения значимых для того или иного общества духовных ценностей и противостояния новейшим манипулятивным технологиям. В работах Е.Л. Доценко, Ю.А. Ермакова, С.Г. Кара-Мурзы, Е.В. Сидоренко исследуются место и специфика манипулирования в современном российском социуме. Объектом манипуляции являются общественное сознание и общественное мнение, которые не неподвижны, не являются застывшими и устойчивыми образованиями – они «динамичны и полифункциональны» [8:64]. Средствами манипуляции служат использование лозунгов,

внедрение идеологических или национальных символов, а с появлением виртуальной культуры особо популярны виртуальные образы, «квазиреальности», имитации, симулякры и т.п.

Более того, исследователи пошли дальше и изучают потенциал манипулятивного действия слова в зависимости от его принадлежности к части речи. В монографии «Понятие деструкции в лексической семантике» Ф.Г. Фаткуллиной дается подробное описание групп деструктивных глаголов. Тем не менее, по мнению автора, «в состав поля деструктивности входят лексические единицы, которые являются наименованиями практически любой деструкции, существующей в объективной действительности» [7:52]. «Любое понятие неразрывно связано с языком. Объективируясь в языке, оно получает материальную, звуковую оболочку, которая является носителем нормализованного категориально-грамматического значения части речи [8:65].

Важнейшей тактической целью манипуляции является внушение; в этом качестве значимы также убеждение, утверждение, повторение и иное, которые достигаются способами, позволяющими социокультурной пропаганде эффективно решать свои задачи, такими как: дезинформация путем подтасовки фактов, использование культурных образов, рекламное оформление пропагандируемого предмета или идеи, повторяемость основного содержания навязываемой идеи культуры, информирование населения неявным знанием с выдачей его за объективную истину, прямая подтасовка фактов для дискредитации традиционных обычаев и ритуалов, замалчивание неудобной информации, распространение лжи и клеветы, полуправды, наклеивание ярлыков, использование комплимента, лести, провокации против этнических традиций и т.п. Все это технологические признаки манипуляции в современной культуре [8:63]. Явления, которые обозначаются терминами «манипуляция», «пропаганда», «деструкция», – это понятия «...семиотическое, и, следовательно, находят свое выражение в знаках человеческой культуры, имеет знаковый характер» [9:229]. Отсюда следует вывод о том, что поскольку мир имеет континуальный характер, то это свойство мира непременно находит отголоски в языке. Следовательно, язык – это «целостное и при этом динамическое явление, которое представляет собой не просто концептуальную сетку, но развивающийся континуум. Целостность и континуальность мира и языка отражаются и в словаре [9: 228].

Итак, сегодня очевидно, что социальную манипуляцию следует рассматривать как принципиально важную социально-философскую категорию, находящуюся на стыке социально-философского, политологического, лингвистического, этико-эстетического дискурсов, затрагивающую основные темы социальной философии: проблемы социального и духовного бытия человека, проблему свободы; формы и способы реализации

коммуникативных связей; мифологичности общественного сознания; формообразования и функционирования властных отношений.

Вопрос из разряда философских – всегда ли манипуляция выступает элементом социальной деструкции или ее применение можно оправдать в зависимости от целей и обстоятельств. Эти и другие вопросы при всей своей популярности остаются малоизученными в социально-философском аспекте. На фоне того, что область применения манипулятивных технологий ширится и претендует на всеобщий охват, думается, что ученые будут исследовать эту проблему еще глубже. Свой отпечаток будет накладывать и тот факт, что информация о специфике процесса манипуляции становится известной не только специалистам, но и обществу [9: 229]. Станет ли дискомфорт от статуса жертвы пропаганды стимулировать к поиску методов защиты от манипуляции или вызовет протестные настроения против субъекта процесса – еще одна тема для размышления.

В широком смысле манипуляция – это способ социального управления сознанием людей, включенный в нормативную регуляцию, трансформирующий ценностные компоненты и создающий смысловые горизонты для социально-адаптированного поведения. Манипулятивная составляющая нормативной регуляции способствует такой интернализации поведенческих стереотипов, что они приобретают силу привычек, принуждающих делать то, что необходимо для общества и сохранения, его собственной идентичности. Манипуляция как производная власти выполняет функции социального регулирования, управления и контроля, она носит универсальный характер, является субстанциональной в своей основе.

Каким бы ни был характер воздействия на общество – деструктивным или конструктивным, в основе этого явления – идея, выраженная через слово. Вот почему язык – великая сила не только в положительном, но иногда и в отрицательном смысле. Практический аспект современной лингвистики сводится к тому, чтобы, изучая потенциал этой науки, предлагать и способы нейтрализации тех явлений, которые вызывают социальную деструкцию. Следуя аналогии – подобное лечится подобным, инструменты защиты тоже надо искать внутри самого языкознания.

Список литературы

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. – 252 с.
2. Мечковская Н.Б. Игровое начало в современной лингвистике: избыток сил или неопределенность целей? Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М., 2006. – С. 30–41.

3. Михальская А.К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. – С. 23–25
4. Моль А.А. Социодинамика культуры. – М.: КомКнига, 2005. – 664 с.
5. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: Медиамир, 2008. – 244 с.
6. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. – Новосибирск, 2004. – С. 11–20.
7. Фаткуллина Ф.Г. Понятие деструкции в лексической семантике: монография. – Уфа, 2003. – 268 с.
8. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2010. – № 2. – С. 60–67.
9. Фаткуллина Ф.Г. Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Материалы Международной научно-методической конференции «Межкультурная-Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. Т. 2. – С. 228–235.

Рецензенты:

Морозкина Е.А., д.ф.н., профессор кафедры лингводидактики и переводоведения Башкирского государственного университета, г. Уфа;

Фаткуллина Ф.Г., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г. Уфа;